

ЧАСТЬ II

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА СКВОЗЬ ЭПОХИ И ЖАНРЫ

И.Е. Суриков

У ИСТОКОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ: ОТ ГОМЕРА ДО КСЕНОФОНТА

Аннотация: Автор, исходя из достаточно широкого понимания исторической беллетристики, указывает, что генезис ее следует искать уже в античной Греции, причем начинать даже не с Ксенофонта, как традиционно принято, а с еще более ранних эпох древнегреческой истории. Так, в трудах эллинических историков самых первых поколений, безусловно, наличествуют беллетристические элементы; в частности, легко видны они у Геродота. Даже Фукидид, при всей своей неприязни к «беллетристичности» в историописании, все-таки обращается к элементам оной. В сущности, уже Гомер может быть назван первым представителем европейской исторической беллетристики.

Ключевые слова: историописание, историческая беллетристика, античная Греция, Гомер, Геродот, Ферекид, Фукидид, Ксенофонт.

Об авторе: Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН. 119334 г. Москва, Ленинский просп., 32А, ИВИ РАН. isurikov@mail.ru

Перед тем, как начать любое рассуждение об исторической беллетристике в античности (причем в самой ранней античности, как будет ясно из дальнейшего изложения), решительно необходимо определиться с нашим пониманием исторической беллетристики в принципе, что, в свою очередь, выводит на совсем уж «глобальный и фатальный» вопрос: что есть бел-

летристика как таковая? Собственно, именно участие в Круглом столе «История для всех: историческая беллетристика» побудило автора этих строк всерьез задуматься над этим вопросом, который ранее не находился в центре наших интересов. Пришлось убедиться в том, что проблем и неясностей здесь немало, хотя мы-то, признаться, были убеждены, что с базовыми критериями феномена всё зримо и понятно.

Просто мы всегда исходили из строгого или, так сказать, узкого понимания беллетристики, согласно которому эта последняя представляет собой, если можно так выразиться, «облегченную» и даже «вторичную» литературу – в сравнении с литературой серьезной, «настоящей». В отличие от последней, беллетристика не разрабатывает глубоких идей, не вырабатывает новых художественных приемов (а пользуется уже имеющимися), да и в целом видит свою задачу в том, чтобы развлечь читателя, а не погрузить его в раздумья.

С подобной точки зрения, скажем, Достоевский – серьезная литература, а его современник Вс. Крестовский – уже беллетристика. Если двинуться к писателям, бравшим сюжеты не из современности, а из истории, то исторические романы А. Дюма-отца – образчики (причем самые качественные!) исторической беллетристики, а вот исторические романы В. Гюго – это уже серьезная литература, классика.

Ясно, что, в конечном счете, такого рода ригоризм неуместен, и грань между жанрами сплошь и рядом провести весьма и весьма сложно. Так, Вальтер Скотт ныне воспринимается как беллетрист, «Айвенго» – как чтение для подростков. А в первой половине XIX в. он считался именно классиком, причем самого первого ряда. Или – вопросы из той же серии – будем ли мы ныне относить к исторической беллетристике «Капитанскую дочку», «Войну и мир» и т.п.?

Как нам показалось, в докладах, прозвучавших на вышеупомянутом научном мероприятии, большинство участников исходило все-таки из более широкого определения беллетристики, обусловленного, в конечном счете, тем, что сам этот термин,

как всем прекрасно известно, происходит от французского *belles-lettres*, который не может пониматься иначе, кроме как «художественная литература» в целом (а если уж выражаться высокопарно – как «язвущая словесность»).

Пожалуй, и нам придется исходить именно из того, что беллетристика *бывает* серьезной и что линию противопоставления приходится проводить не между нею и классикой (и уж тем более не между нею и поэзией, о чем см. ниже), а, скорее как раз между нею и историей *stricto sensu*, представленной трудами ученых-историков. Трудом, заметим сразу, далеко не всегда «засушенными до невозможности». Историк-профессионал вполне может быть одновременно неплохим популяризатором своей науки (и он, если хорошо пишет, будет даже полезнее в этом качестве, чем какой-нибудь дилетант-журналист, слабо понимающий прошлое). Знаем это не понаслышке, а в том числе и на собственном опыте; тем не менее, наши научно-популярные книжки «Солнце Эллады» [6], «Сократ» [9] и т.п., хоть они, как говорится, и «пошли в народ», стали достаточно читаемыми и популярными в среде неспециалистов, мы никак не назвали бы беллетристкой.

Вышеприведенные строки наверняка многие сочтут вполне тривиальными. Констатация «азов», видимо, в какой-то степени неизбежно сопутствует вводящей части статьи; но перед тем как переходить к вещам уже более конкретным, нам бы хотелось указать, что немало общего с ситуацией, описанной только что, имеет положение с англоязычным термином *fiction*, который, по большому счету, должен признаваться наиболее близким эквивалентом нашей лексики «беллетристика», поскольку точно в той же мере может прилагаться и к литературе развлекательной (как наша «беллетристика» в узком смысле), и к художественной литературе вообще (как наша «беллетристика» в широком смысле).

Вот этот последний тезис, пожалуй, следует проиллюстрировать примерами. Примеры, необходимо оговорить, будут

браться из той сферы гуманитарных исследований, которая наиболее близка нам, то есть в основном из антиковедения.

Вначале укажем несколько работ, которые уже самими своими заголовками демонстрируют, насколько популярно в англоязычной литературе об античности противопоставление и/или сопоставление понятий *history* и *fiction*: Картледж П., Гринвуд Э. Геродот как критик: истина, беллетристика, противоположность [18]; Гринвуд Э. Беллетристика диалога у Фукидида [22]; Аусланд Х. Поэзия, риторика и беллетристика в «Федре» Платона [14]; Тейтам Дж. Имперская беллетристика Ксенофонта: о «Воспитании Кира» [37]; Стедтер Ф. Беллетристический нарратив в «Киропедии» [35]; Голдберг С. Факт, беллетристика и форма в раннем римском эпосе [21]; Гильденхард И. Диалоги Цицерона: манкируемая историография и свидетельствование беллетристики [20]; Ким Л. Историческая беллетристика, брахилология и «Пир семи мудрецов» Плутарха [24] и Гомер между историей и беллетристической в греческой литературе времени Империи [25]; Морган Дж. Беллетристика и история: историография и роман [28]; Шеррер П. Охота на вепря: беллетристика локального прошлого в мифах об основании эллинистических и римских городов [34]; Маккуин Б. Пасынки Геродота: трансформация истории в беллетристику в поздней античности [26].

К данному перечню (который, сразу подчеркнем, ни в малейшей мере не является исчерпывающим, а имеет характер вполне выборочный, иллюстративный, хотя, смеем надеяться, все-таки представляет собой достаточно репрезентативную в тематическом плане выборку), нам кажется, не лишним будет дать небольшой комментарий.

Во-первых, работы перечислялись не в том порядке, в котором они выходили (как раз этот порядок не имеет существенного значения; как легко может проверить каждый, сверившись со списком литературы, мы ссылались практически только на недавние или очень недавние исследования), а в соответствии с хронологией своих тем.

Во-вторых, у кого-то может возникнуть вопрос: действительно ли мы во всех случаях корректно переводили термин *fiction* как «беллетристика»? Поскольку у нас тоже были в связи с этим некоторые сомнения, мы всячески пытались прибегнуть к процедуре фальсификации по Попперу, но более удачных результатов не давала никакая иная русская лексема.

Данное утверждение подкрепляется, в-третьих, когда начинаешь принимать во внимание и те работы, в которых говорится об античной беллетристике безотносительно к историческим сочинениям. Можно отметить хотя бы монографии П. Розенмейер [31] (ее тематика – древнегреческая эпистолография), Г. Доброва [19] (тут речь идет о греческой драме, причем с выходом даже не только на беллетристический, но и на «метабеллетристический» уровень), статьи Г. Андерсона [12]¹, Дж. Перкинса [30], С. Халлиуэлл [23] и др.

* * *

Дабы вступление не затянулось, поясним все-таки, из какого понимания беллетристики мы будем далее исходить. *Volens nolens* – из того, которое было нам разослано в информационном письме, приглашавшем к участию в Круглом столе. Прочитируем: «Понятие “историческая беллетристика” мы трактуем максимально широко. Это любое сюжетное повествование о прошлом, в котором реализуется авторский замысел. Для автора “беллетристики”, в отличие от историка, этот замысел является первичным. Для его воплощения он использует как полностью вымышленные, так и исторические факты, события, персонажи».

Таким образом, здесь в качестве исторической беллетристики фактически видятся любые памятники художественной литературы, в которой присутствует сюжет, взятый не из современной автору действительности, а из истории, то есть из про-

¹ Эта статья особенно характерна, в ней речь идет о способах ведения диалога в античном романе, то есть жанре заведомо беллетристическом, и притом употребляется термин *fiction*.

шлого. Если уж брать столь широкий ракурс обозрения, то, безусловно, в него попадут и Вальтер Скотт, и исторические романы Гюго, и «Война и мир»... И, между прочим, Гомер.

Да, именно так заостренно мы здесь ставим вопрос: и Гомер! Хотя обычно гомеровские поэмы, эти первые памятники античной (да и в целом европейской) словесности², если и рассматриваются «под углом беллетристики», то разве что в контексте рецепции (как, например, у Л. Кима [25]), но в действительности что мешает относить их к исторической беллетристике и в актуальном аспекте? Тот факт, что эти произведения являются стихотворными? Но чем доказано, что беллетристика должна быть обязательно прозаической? Мы считаем вполне допустимым говорить и о беллетристической поэзии. Скажем, жанр баллады, столь распространенный в Западной Европе начиная со времен средневековья, всецело беллетристичен, поскольку традиционная баллада – это обязательно сюжетное повествование³. Причем в большинстве случаев именно о прошлом (далеком или сравнительно близком – в данном случае не имеет значения).

² Мы не разделяем предложенную в свое время С.С. Аверинцевым [1: 13–75] теорию о контроверзе «греческой литературы» и «ближневосточной словесности». Соответствующая работа этого выдающего исследователя является интереснейшей и, бесспорно, стала этапной; но мы все-таки применительно к античности пользуемся терминами «словесность» и «литература», в общем, как синонимами. Мы также, сразу уж оговорим, не разделяем тех гиперкритических теорий, согласно которым поэмы Гомера являются более поздними памятниками, нежели, скажем, ранняя лирика (подобный взгляд был очень акцентированно развит, применительно к «Илиаде», А. Сожем [33], а совсем недавно к нему, в сущности, примкнул такой выдающийся специалист, как Грегори Надь [29]).

³ Сказанное, конечно, относится в основном к англосаксонской и немецкой балладе. У баллад французских и провансальских есть в этом плане существенные особенности, на которых здесь, конечно, не место останавливаться.

Далее, нам могут возразить, что сюжеты поэм Гомера – это-де не история, а мифы. Наш контрдовод: в греческой античности не проводилось четкого разграничения между историей и мифами. Легендарно-мифологическая традиция «воспринималась и трактовалась как историческая», по справедливой формулировке П. Видаль-Накэ [2: 228] (ср. также очень похожую у Ч. Старра [36: 68]). Ахилл, Одиссей или Приам были для эллинов точно такими же реальными личностями, как, скажем, Солон, Фемистокл или Перикл⁴. По большому счету, для греков мифология была их «древней историей».

Традиционно основоположником древнегреческой исторической беллетристики (точнее, в исследовательской литературе чаще пользуются в данной связи выражением «историческая романистика») однозначно считают Ксенофонта, который писал, как известно, в первой половине IV в. до н.э. Чаще всего вспоминают о его знаменитом трактате «Киропедия», который нередко удостоивается такой характеристики, как «первый исторический роман» (иногда его называют также «утопическим романом») ⁵. Беллетристичный элемент весьма силен также и в мемуарных сочинениях Ксенофонта – в «Анабасисе» и даже в так называемых «Воспоминаниях» (по-русски они обычно издаются под заголовком «Воспоминания о Сократе»).

Заслуги Ксенофонта очевидны и бесспорны; однако же, был ли он абсолютным новатором, «первопроходцем» букваль-

⁴ Парадоксальным образом данные современной науки оказываются здесь в (относительном) соответствии с древнегреческими представлениями. Об исторических прототипах многих героев мифов о Троянской войне см. хотя бы у Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского [3], у А.А. Молчанова [5].

⁵ Выше мы сослались на работы Тейтама [37] и Стедтера [35] о «Киропедии». Разумеется, об этом сочинении есть и другие работы современных ученых; литература о нем (как и о Ксенофонте в целом) достаточно обильна. Здесь нет резона ее перечислять; желающие могут ознакомиться со списком (естественно, тоже отнюдь не полным), приведенным у нас в [10: 144–146].

но во всех отношениях? В другом месте нам доводилось уже показывать, что Ксенофонта напрасно считают основоположником античной мемуаристики; таковым следует признать Иона Хиосского, автора V в. до н.э. [11: 618–634]. Не окажется ли аналогичной ситуация и с его ролью в становлении исторической беллетристики?

Мы не случайно употребили здесь это слово: *становление*. Перед нашими глазами – не взрывное появление жанра «с нуля», а именно его медленное, постепенное формирование, как бы нашупывание основных жанровых характеристик.

В Греции как-то одновременно зарождались историческая наука и историческая беллетристика. Сложную, плодотворную диалектику шедшего в VI–V вв. до н.э. процесса, кстати, лучше, чем кто-либо, почувствовал более полувека назад наш выдающийся исследователь А.И. Доватур. Его известная книга «Повествовательный и научный стиль Геродота» [4], собственно, именно этому и посвящена: Геродот – одновременно историк-ученый и историк-новеллист.

Кстати, являются ли историческая наука и историческая беллетристика категориями абсолютно противопоставленными, взаимоисключающими? Выше, во вводной части статьи, мы высказались скорее в пользу такого противопоставления – для нашего времени; но и в подобном суждении не будет ли слишком большой категоричности, не следует ли говорить скорее об относительном противопоставлении? По крайней мере, есть такие, например, исключения, как книги Л.Н. Гумилева. К нему можно по-разному относиться (например, в Казани ему поставлен памятник, а в то же время можно встретить целую массу откровенно неприязненных суждений о нем), но как бы то ни было, сын двух великих поэтов являлся, с одной стороны, вполне принятым системой ученым (он имел степень доктора исторических наук и защищался также на степень доктора географических наук, но защита не была утверждена ВАКом), а, с другой стороны, талантливейшим историческим беллетристом, писавшим чрезвычайно увлекательные книжки.

* * *

Мы опять отвлеклись от основной нити изложения (но, впрочем, не являются ли частые отступления одной из основных характеристик жанра исторической беллетристики? – у того же Дюма-отца они постоянны), так что пора вернуться к нашим баранам, то бишь грекам.

В цели беллетристики (любой), бесспорно, входит развлечение читателя. А вот давать ему уроки, «вещать о серьезном»? Геродот, «отец истории» и при этом один из лучших беллетристов всех времен и народов⁶, так определял задачу своего труда: «...чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности...» (Herod. I. прооем.; «История» Геродота здесь и далее цитируется в переводе Г.А. Стратановского). Его наследник и «оппонент» Фукидид еще настоятельнее подчеркивал дидактическую ценность истории, но об этом речь пойдет ниже.

Как бы то ни было, миссию развлечения Геродот выполнил в полной мере. Приведем хотя бы такой, очень рельефный пример (Herod. I. 80). Речь идет о войне персидского царя Кира с лидийским царем Крезом (середина VI в. до н.э.):

«Тут Кир, увидев, что лидийцы стоят в боевом порядке, готовые к бою, в страхе перед их конницей по совету мидянина Гарпага поступил вот так: всех выючных и нагруженных продовольствием верблюдов, следовавших за войском, Кир велел согнать, разгрузить и посадить на них воинов в одежде всадников. Затем он поставил верблюдов впереди войска против конницы Креза, пехоте же приказал следовать за верблюдами, а позади пехотинцев расположил всё остальное войско. После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ умерщвлять без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не убивать, даже если тот будет защищаться при захвате в плен. Тако-

⁶ Читая впервые, еще в студенческие годы, Геродота, мы постоянно задавались вопросом: не «Тысяча и одна ночь» ли перед нами? Это отношение мы в полной мере отразили в своих книгах [7], [8].

во было приказание Кира, а верблюдов он велел поставить против неприятельской конницы потому, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Эта хитрость была придумана для того, чтобы сделать бесполезной именно ту самую конницу, которой лидийский царь рассчитывал блеснуть. Битва началась, и лишь только кони почуяли верблюдов и увидели их, то повернули назад, и надежды Креза рухнули».

А вот – ради параллели – один из фрагментов историка Харона Лампсакского, современника Геродота: «Бисалты⁷ пошли походом на Кардию и одержали победу. А вождем бисалтов был Нарис. Он ребенком был продан в Кардию и, находясь в рабстве у некоего кардийца, стал цирюльником. Кардийцам же было вещание, что придут на них бисалты, и они часто об этом говорили, сидя в цирюльне. А Нарис, убежавши из Кардии на родину, повел бисалтов на Кардию: они назначили его своим вождем. А все кардийцы научили своих коней плясать на пирушках под звуки флейт; и те, встав на задние ноги, а передними как бы жестикулируя, танцевали, наизусть зная мелодии. Нарис, знавший об этом, приобрел флейтистку из Кардии. Прибыв к бисалтам, она обучила многих, так что они тоже стали флейтистами. Их-то взяв с собой, Нарис и отправляется походом на Кардию. И, когда началась битва, он приказал играть на флейтах те мелодии, которые знали наизусть кони кардийцев. Когда кони услышали звуки флейт, они встали на задние ноги и принялись за пляску. А сила кардийцев заключалась как раз в коннице; так-то они и были побеждены» (Char. FGrHist. 262. F1; перевод наш).

Перевод взят из главного труда Харона («Летописи лампсакцев»), но главное не в этом, а в том, что между двумя только что процитированными пассажами есть какое-то глубинное сходство⁸. Перед нами – незамысловатые, но очень живые и за-

⁷ Фракийское племя. Греческая колония Кардия располагалась на полуострове Херсонес Фракийский, в непосредственном соседстве от Фракии. Кстати, неподалеку, также в зоне черноморских проливов, располагался и Лампсак, родной город Харона.

⁸ Мы на него уже указывали [11: 335–336].

нимательные рассказы о военных хитростях. Причем эти примеры, разумеется, отнюдь не единственные. Весьма похожие по духу эпизоды имеются (уж не говоря о Геродоте, у которого они изобилуют) и у того же Харона (Char. FGrHist. 262. F7), и у Ксанфа Лидийского (Xanth. fr. 12 Müller), еще одного историка того же поколения (он, похоже, был чуть моложе Геродота)⁹...

Если же, напротив, обратиться к чуть более ранним представителям древнегреческой исторической мысли, то картина опять же окажется абсолютно аналогичной. Вот Гекатей Милетский (рубеж VI–V вв. до н.э.) – тот автор, которого, может быть, с большим основанием, нежели Геродота, следовало бы именовать «отцом истории» (он не удостоился этой чести главным образом потому, что ни один из его трудов не сохранился полностью, в отличие от геродотовского)¹⁰.

«Кеик¹¹ же, совершая эти страшные дела, тотчас приказывал потомкам Гераклидам¹² уходить: “Ведь я не способен вам помочь. Чтобы вы и сами не погибли, и мне не нанесли ущерба, удаляйтесь к какому-нибудь другому народу”» (Hecat. FGrHist.

⁹ Хотя Ксанфа традиционно и называют «Лидийским» (например: Dion. Hal. De Thuc. 5), он, тем не менее, был греком, просто родился и жил в Сардах, главном городе Лидии. О сходных чертах между Геродотом и Ксанфом, об их принадлежности к одному «ментальному койне» см. у А. Меля [27].

¹⁰ О Гекатее, разумеется, написано немало. Из недавнего см., например, работы С. Уэст [38], О. Армейора [13], Т. Брауна [17], Л. Бертелли [16]. Естественно, что при большом количестве исследователей, занимавшихся Гекатеем, не существует единого мнения по вопросу о достоинствах его трудов. Оценка этих достоинств колеблется от исключительно высокой до довольно скептической.

¹¹ Кеик (Кеикс) – мифический царь Трахина в Средней Греции, друг Геракла. Согласно мифам, Геракл и умер в Трахине, после чего Еврисфей Микенский, преследовавший Гераклидов, осадил город. Испуганный Кеик вынужден был потребовать детей Геракла удалиться.

¹² Явно какая-то порча текста. Предлагались различные поправки: изменить на «Геракловым потомкам», атетировать слово «потомкам» и т.п. Впрочем, смысл в целом ясен.

1. F30; перевод наш). «Афиняне изгнали пеласгов¹³ из Аттики – справедливо ли или несправедливо они поступили – этого я не знаю, и могу лишь передать, что рассказывают другие. Именно, Гекатей, сын Гегесандра, в своем труде утверждает, что афиняне поступили несправедливо. Они ведь отдали свою собственную землю у подошвы Гиметта для поселения пеласгам в награду за то, что те некогда возвели стену вокруг акрополя. Когда же афиняне увидели, что эта, прежде плохая и ничего не стоящая земля теперь прекрасно возделана, их охватила зависть и стремление вновь овладеть этой землей. Так-то афиняне без всякой иной причины изгнали пеласгов. Напротив, афиняне утверждают, что изгнали они пеласгов с полным правом. Ведь пеласги, жившие у подошвы Гиметта, оттуда причиняли оскорбления афинянам. Дочери афинян постоянно ходили за водой к источнику Эннеакрунос (ведь в те времена у афинян и прочих эллинов еще не было рабов). Всякий раз, когда девушки приходили за водой, пеласги с заносчивым пренебрежением оскорбляли их. Но этого им было еще мало. В конце концов, пеласги даже были пойманы на месте преступления, когда хотели напасть на Афины. А насколько афиняне выказали себя благороднее пеласгов, видно из того, что афиняне могли бы перебить их, когда разоблачили их коварные замыслы, но не пожелали этого, а приказали покинуть страну. Итак, изгнанные пеласги переселились в другие земли, и в том числе на Лемнос. Таков рассказ Гекатея и таково предание афинян» (Hecat. FGrHist. 1. F127)¹⁴.

А вот Ферекид Афинский. Это очень интересный (и притом малоизвестный, почти не изучавшийся) раннегреческий историк (первая половина V в. до н.э.), которого, например, Э. Рушенбуш [32] считает тем ключевым автором, который в

¹³ Пеласги – догреческое население юга Балканского полуострова.

¹⁴ В данном случае имеем не дословную цитату, а пересказ Гекатея Геродотом (VI. 137; такова, кстати, и наиболее частая ситуация в случае с греческими историками «первого поколения, мы только редко-редко слышим их «прямую речь»). Соответственно, фрагмент и цитируется по Геродоту, в переводе Г.А. Стратановского.

наибольшей степени повлиял на Геродота. Мы в последнее время особенно активно занимаемся Ферекидом, переводим его сохранившееся наследие на русский язык (соответственно, далее фрагменты Ферекида будут приводиться в нашем переводе, который, кстати, публикуется впервые). Как мы увидим, тематика отрывков будет довольно разнообразна – тут сказания и о Персее, и о Геракле, и о ранней Аттике.

«Ферекид во 2-й¹⁵ книге повествует, что Акрисий¹⁶ женится на Евридике, дочери Лакедемона¹⁷, а рождается у них Данаая. Когда же он вопрошал оракул о ребенке мужского пола, бог в Пифо¹⁸ возвестил, что ребенка мужского пола у него самого не будет, но будет у его дочери, и что от этого ребенка ему предстоит погибнуть¹⁹. А он, возвратившись в Аргос, сооружает во дворе дома медный покой под землей, помещает туда Данаю с кормилицей, чтобы та ее стерегла и чтобы у нее не родился ребенок. Зевс же, влюбившись в девушку, течет с потолка подобно золоту, а она принимает его на лоно. Тут Зевс, явив себя, совокупляется с девушкой. А рождается у них Персей; Данаая и кормилица воспитывают его втайне от Акрисия. Когда же Персею исполнилось три и четыре года, Акрисий услышал его голос – тот в это время играл – и, приказав слугам привести Данаю с кормилицей, последнюю казнит, а Данаю с мальчиком приводит к алтарю Зевса Оградного и без свидетелей спрашивает ее, откуда у нее мог взяться ребенок. Она же сказала: «От Зевса». А он не верит и сажает ее с мальчиком в ящик, ящик же, заперев, бросает в море. И они, носимые волнами, попадают на остров Сериф²⁰, и их вытаскивает на сушу Диктис, сын Перисфена, ло-

¹⁵ Цифра в рукописи испорчена, восстанавливается издателями.

¹⁶ Царь Аргоса. Во фрагменте излагается миф о рождении Персея.

¹⁷ Т.е. героя-эпонима спартанского государства.

¹⁸ Т.е. в Дельфах.

¹⁹ Гибель или ниспровержение от руки имеющегося родиться ребенка – популярный мифологический мотив как в Греции (рождение Эдипа), так и за ее пределами (рождение Кира Персидского).

²⁰ Сериф (Серифос) – остров в Эгейском море.

вивший рыбу неводом. Тогда Даная молит открыть ящик. Тот же, открыв и узнав, кто они, ведет их в свой дом и кормит, как будто они его родственники» (Pherec. FGrHist. 3. F10).

«В то время как Персей²¹ с матерью оставался на Серифе у Диктиса и возмужал, Полидект, единоутробный брат Диктиса и царь Серифа, случайно увидев Данаю, влюбился в нее, но недомевал, как бы сделать ее своей сожительницей. И вот он, приготовив всё наилучшим образом, пригласил как многих других, так и самого Персея. Тут Персей спросил, чем нужно оплатить участие в пире; тот ответил, что конем, а Персей сказал – головой Горгоны²². После же пира, на следующий день, когда другие его участники привели коней, привел и Персей. Но Полидект от него коня не принимал, а требовал голову Горгоны, согласно обещанию, и говорил, что если тот ее не принесет, то он, Полидект, возьмет в жены его мать. Персей же в печали уходит на окраину острова, оплакивая свое несчастье. А Гермес, явившись ему и расспросив, узнает о причине его плача. Он, призвав Персея мужаться, прежде всего ведет его к Граям²³, дочерям Форка, – Пемфредо, Энио и Дино (а Афина уже была там), – и тот похищает у них глаз и зуб, в то время как они передавали их друг другу. Те же, ощутив потерю, кричат и просят отдать глаз и зуб: у них был на троих один глаз и один зуб, и они пользовались ими по очереди. А Персей говорит, что глаз и зуб у него и что он их отдаст, если Граи укажут ему путь к нимфам, у которых хранятся шапка Аида²⁴, крылатые сандалии и сума²⁵. Те же ему

²¹ Продолжение мифа о Персее.

²² Возможно, предполагается, что Персей употребил какое-то идиоматическое выражение, которое Полидект намеренно предпочел истолковать буквально.

²³ Известные мифологические старухи (собственно, «Граи» и означает «старухи»), дочери морского бога Форка (Форкия). Имели на троих один глаз и один зуб, которыми пользовались поочередно; на этом и основан нижеследующий эпизод мифа о Персее.

²⁴ Шапка-невидимка.

объясняют, и Персей отдает глаз и зуб. И, отправившись с Гермесом к нимфам, попросив и получив от них перечисленные вещи, он обувается в крылатые сандалии, суму накидывает на плечи, а шапку надевает на голову. Затем он летит к океану и Горгонам, причем Гермес и Афина сопровождают его. Горгон он находит спящими. Эти божества подсказывают ему, как нужно отрубить голову – отвернувшись²⁶, – и показывают²⁷ Медузу, которая – единственная из Горгон – была смертной. А он, подбравшись близко, отрубает²⁸ и, положив в суму, спасается бегством. Горгоны же, поняв, что случилось, бросаются в погоню, но не видят его²⁹. А Персей, прибыв на Сериф, является к Полидекту и приказывает созвать народ, чтобы показать им³⁰ голову Горгоны: он знал, что, если они ее увидят, то станут камнями. Полидект же, собрав толпу, приказывает ему показать. А тот, отворачиваясь, вынимает голову из сумы и показывает. Увидевшие ее стали камнями. Афина же, взяв у Персея голову, помещает ее на свою эгиду³¹. А суму, сандалии и шапку Персей отдает Гермесу, [тот же снова возвращает]³² нимфам. Так повествует Ферекид во 2-й книге» (Pherec. FGtHist. 3. F11).

«В дальнейшем же он³³ говорит и о смерти Акрисия: что после того, как Полидект и те, кто был с ним, окаменели от го-

²⁵ Сума потребуется Персею для того, чтобы положить в нее голову Медузы.

²⁶ Вариант: «а именно – отвернувшись к зеркалу, которое он получил от Афины». Имеется в виду, что на Медузу можно смотреть только в зеркале: прямой взгляд на нее обращает в камень.

²⁷ Вариант (явно неверный): «показывают в зеркале». На Горгон нельзя было смотреть из-за опасности окаменеть.

²⁸ Вариант (тоже неверный): «отрубает голову серпом».

²⁹ Из-за надетой шапки-невидимки Аида.

³⁰ Именно так: «им», несмотря на предшествующее единственное число «народ».

³¹ Эгида Афины, как известно, изображалась с головой Горгоны в центре.

³² Необходимое дополнение Якоби.

³³ Ферекид.

ловы Горгоны³⁴, Персей оставляет на Серифе Диктиса царствовать над оставшимися серифянами, а сам отплыл³⁵ в Аргос с киклопами³⁶, Данаей и Андромедой³⁷. Прибыв, он не находит Акрисия в Аргосе. Ведь тот, испугавшись, удалился к пеласгам в Лариссу³⁸. Не застав же его, Персей оставляет Данаю – на попечение ее матери Евридики, – а также Андромеду и киклопов, а сам отправился в Лариссу. И, прибыв туда, он узнаёт Акрисия и убеждает его вместе вернуться в Аргос. И именно тогда, когда они собирались в дорогу, случается им оказаться на состязании юношей в Лариссе; и Персей принимает участие в состязании, и, взяв диск, бросает его: пятиборья тогда не было, а атлеты состязались в каждом виде спорта по отдельности³⁹. Диск же, попав в ногу Акрисию, наносит ему рану. А Акрисий, заболев от этого, умирает там же, в Лариссе; Персей и лариссяне хоронят его в предместье города, и там же местные жители сооружают ему святилище как герою. Персей же покидает Аргос» (Pherec. FGrHist. 3. F12).

«Он же⁴⁰ идет, таким образом, за золотыми яблоками. А прибыв в Тартесс⁴¹, он переправляется в Ливию⁴², там убивает

³⁴ Далее Якоби убирает слова «на Серифе».

³⁵ Несколько режущий глаз «перебой» настоящего времени прошедшим совершенного вида (здесь и несколько раз ниже) оставлен нами потому, что он имеется в оригинале и, видимо, относится к особенностям стиля Ферекида.

³⁶ К чему тут упоминаются киклопы – непонятно. Возможно, путаница.

³⁷ Андромеда – жена Персея, спасенная им от чудища в Эфиопии.

³⁸ Ларисса – город в Фессалии.

³⁹ Имеется в виду, что в более привычной впоследствии олимпийской программе отсутствовало метание диска как отдельная дисциплина. Оно входило в состав пятиборья (пентатла), наряду с метанием копья, прыжками, бегом и борьбой. Еще в 23-й песни «Илиады», повествующей о состязаниях, устроенных Ахиллом при похоронах Патрокла, мы встречаем упоминание об отдельном состязании в метании диска.

⁴⁰ Геракл.

⁴¹ Царство в Испании.

Антея, сына Посейдона, который был наглецом; затем прибывает по Нилу в Мемфис к Бусирису⁴³, сыну Посейдона; его он умерщвляет, а также его сына Ифидаманта, глашатая Халба и их слуг – перед алтарем Зевса, где они убивали чужеземцев. Прибыв же в Фивы⁴⁴, он через горы шел во внешнюю Ливию⁴⁵, в пустынях которой убивает, стреляя из лука, множество зверей. Очистив от них Ливию, он спустился к морю, лежащему по внешней стороне⁴⁶, взяв золотую чашу у Гелиоса⁴⁷, и переправляется в ней на другую сторону, плывя и землей, и морем, и океаном. Выйдя же возле Прометея⁴⁸, который, увидев его, жалобно его умолял о помощи, он убивает орла, клевавшего Прометееву печень, застрелив его из лука, когда тот подлетал. А за это Прометей советует не идти за яблоками, а, придя к Атланту, приказать ему принести их, а тем временем самому вместо Атланта держать небо, пока он не принесет яблоки от Гесперид. Геракл же, услышав это, приходит к Атланту и приказывает ему принести яблоки от Гесперид, взяв три из них; перед этим он поведал ему совершаемый им подвиг. А Атлант, положив Гераклу на плечи небо и придя к Гесперидам, получив от них яблоки и вернувшись к Гераклу, говорит, что сам отнесет яблоки Еврисфею, а небо держать вместо себя приказывает ему. Геракл же, дав та-

⁴² Ливия здесь в широком (собственно, исконно греческом) смысле – как вся Африка.

⁴³ Мифологический царь Египта, приносивший в жертву иноземцев; при попытке поступить так же и с Гераклом был им убит. В действительности это имя по-древнеегипетски должно означать «дом Осириса» и, следовательно, вряд ли может быть антропонимом.

⁴⁴ Египетские, «створатные» Фивы.

⁴⁵ Испорченное место. Предлагается наиболее вероятный вариант перевода.

⁴⁶ Т.е. к Атлантическому океану.

⁴⁷ Ту, на которой, согласно мифам, солнечный бог со своими конями и колесницей ночью переправлялся обратно с запада на восток.

⁴⁸ Прометей, как известно, был прикован на Кавказе. Географическую неразбериху, царящую в данном фрагменте, просто невозможно комментировать.

кое обещание, хитростью возложил небо снова на Атланта. Ведь Прометей, советуя ему, сказал, чтобы он приказал Атланту поддерживать небо, пока он не прикрепит себе канат⁴⁹ на голову. А тот, положив яблоки на землю, перенимает небо. А Геракл, взяв яблоки и попросившись с Атлантом, уходит в Микены к Еврисфею и показывает их ему. Так повествует тот же Ферекид во 2-й книге» (Pherec. FGrHist. 3. F17).

«Нелей⁵⁰, сын Посейдона, имея дочь по имени Перо, непревзойденную по красоте, не давал ее в жены никому, кто перед тем не пригонит из Филаки⁵¹ от Ификла коров его матери Тиро. Многие терпели неудачу, и лишь Биант⁵², сын Амифаона, обещал сделать это; и вот, он убеждает своего брата Мелампа совершить такое дело. А тот, хотя и знал (он был прорицателем), что в течение года будет в заключении, отправляется на Офриду⁵³ за коровами. Там сторожа и пастухи застают его за кражей и передают Ификлу. Его связали и сторожили: к нему были приставлены двое слуг – мужчина и женщина. И вот, мужчина-то служил ему подобающим образом, а женщина – хуже. Когда же год подходил уже к концу, Меламп слышит, как наверху разговаривают какие-то черви: дескать, они прогрызли стропила. Услышав это, он зовет прислужников и велит им вынести его. Берутся они за ложе – женщина у ног, мужчина у го-

⁴⁹ Один из возможных вариантов реконструкции испорченного места. Другой – «суму». Общий смысл ясен: Геракл просит Атланта перенять у него небо на несколько мгновений, чтобы встать поудобнее, а потом уходит.

⁵⁰ Знаменитый царь Пилоса, отец Нестора – одного из главных героев «Илиады», – предок афинских царей из династии Кодридов-Медонтидов (к Нелею возводили свое происхождение и Солон, и Писистрат, и философ Платон...). В данном пространном фрагменте излагается редкий, интересный миф.

⁵¹ Эта Филака – в Фессалии; соответственно, правившего там Ификла не следует путать с его тезкой, единоутробным братом Геракла.

⁵² Брат известного героя-прорицателя Мелампа, о котором как раз говорится ниже. Меламп и Биант – фессалийцы из Иолка.

⁵³ Гора в Фессалии.

ловы. Так его взяв, они и выносят. И в самое это время стропила ломаются, падают на женщину и убивают ее. Мужчина же оповещает о свершившемся Филака⁵⁴, а Филак – Ификла. Придя к Мелампу, они спрашивают его, кто он такой, а он говорит, что прорицатель. А они обещают отдать ему коров, если он изобретет какое-нибудь средство, чтобы у Ификла появились дети, и клянутся ему в этом. Меламп же, принеся в жертву Зевсу быка, начинает толковать судьбу по всем птицам; и они все являются, кроме одного коршуна. Меламп спрашивает всех птиц, знает ли какая-нибудь из них средство, чтобы у Ификла появились дети. Птицы затрудняются, но тут доставляют и коршуна. А тот вскоре нашел причину бездетности и способ избавления от нее: ибо, когда Ификл был еще младенцем, Филак погнался за ним с ножом, поскольку увидел, что тот делает что-то непристойное. Когда же Филак, не настигнув его, вонзил нож в какое-то грушевое дерево, он врос в кору, и с тех пор Ификл из-за страха больше не мог порождать детей. Итак, коршун приказал принести нож, что торчал в грушевом дереве, и, счистив с него ржавчину, давать ее Ификлу выпить в вине в течение десяти дней; дескать, от этого у него и родятся дети. Ификл же, сделав это, укрепляет свое семя, и у него появляется сын Подарк. И Ификл дает коров Мелампу; а тот, взяв их [и пригнав]⁵⁵ в Пилос, дает их Нелею в качестве выкупа за Перо. И получает ее в жены своему брату Бианту, а у тех рождаются дети Периалк, Арет и Алфесибей. Это повествование содержится у Ферекида в седьмой книге (Pherec. FGrHist. 3. F33).

«Кефал⁵⁶, сын Деионея, взяв в жены Прокриду, дочь Эрехтея, жил в деревне торейцев⁵⁷. Как говорят, он, желая ис-

⁵⁴ Здесь, судя по контексту, имеется в виду отец правившего в Фессалии Ификла, а не его сын, которого также звали Филаком: на момент описываемых событий Ификл еще бездетен.

⁵⁵ Необходимая добавка издателей.

⁵⁶ Весьма известный миф о Кефале и Прокриде.

⁵⁷ Имеются в виду Торы – дем в Аттике (не путать с более известным Ториком).

пытать жену, удалился в чужую страну на восемь лет, оставив ее новобрачной⁵⁸. Затем он, приукрасившись и придав себе иной вид, приходит в свой дом во всей красе и начинает убеждать Прокриду принять его и совокупиться с ним. А Прокрида, соблазнившись красотой и видя, что уж очень хорош Кефал, совокупляется с ним. А Кефал, показав, кто он есть на самом деле, обвиняет Прокриду. И, никак не примирившись с ней, отправляется на охоту. Он стал часто это делать, и Прокрида заподозрила, что он там совокупляется с другой женщиной. И так, подозвав к себе раба, она спрашивала, не знает ли он что-нибудь об этом. А раб отвечал, что видел Кефала на вершине какой-то горы постоянно твердившим: «О облако, приди!», – только это он-де и знал. Прокрида же, услышав, отправляется на эту вершину и прячется. И, убедившись, что именно это самое Кефал и говорит, она подбегает к нему. А Кефал, внезапно увидев ее, выходит из себя, и копье, которое у него было в руке, мечет в Прокриду, и убивает ее. Послав за Эрехтеем, он ее роскошно погребает. Это повествование содержится у Ферекида в седьмой книге» (Pherec. FGrHist. 3. F34).

* * *

Разве нельзя назвать тексты подобного характера исторической беллетристикой? На наш взгляд, в полной мере можно. Кстати говоря, именно против такой вот традиции историописания в конце V в. до н.э. восстал Фукидид. В «методологическом введении» к своему труду этот автор настойчиво подчеркивал, что он, так сказать, не Геродот (хотя, между прочим, самого имени Геродота он так ни разу и не упомянул, хотя имплицитно демонстрировал, что прекрасно знаком с его «Историей»⁵⁹). Приведем важный пассаж из этого места у Фукидида:

«Что же касается событий (ἔργα) этой войны (Пелопонесской. – *И.С.*), то я поставил себе задачу описывать их, полу-

⁵⁸ Т.е., видимо, девственницей.

⁵⁹ В связи со сложным и интересным вопросом об отношении Фукидида к Геродоту см., в частности, [8: 161 слл.].

чая сведения не путем расспросов первого встречного (οὐκ ἐκ παρατυχόντος συνάνομενος) и не по личному усмотрению (οὐδ' ὡς ἐμοὶ ἐδόκει), но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой – разбирать сообщения других со всей возможной точностью (ὅσον δυνατόν ἀκριβεῖα)⁶⁰... Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде⁶¹), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными. Мой труд создан как достояние навеки (κτῆμα ἐς αἰεὶ)⁶², а не для минутного успеха у слушателей⁶³» (Thuc. I. 22. 2–4).

Итак, перед нами принципиально «антибеллетристическая» позиция? Строгое изложение фактов и больше ничего? *Sine ira et studio*, «добру и злу внимая равнодушно»? Как бы не так! Уже многократно в исследовательской литературе указывалось, что методологические декларации Фукидида отнюдь не всегда согласуются с его реальной повествовательной практикой. Если привести хотя бы парочку примеров, то Э. Бадриан на протяжении целой книги [15] настойчиво доказывал, что Фукидид по своим приемам – скорее «журналист», употребляя современное выражение. Позже В. Вилль [39: 78 ff.] изящно продемонстрировал контраст взволнованного, трагического описа-

⁶⁰ Здесь Фукидид демонстративно противопоставляет свой подход к источникам подходу Геродота.

⁶¹ Проявление циклистских воззрений на ход истории. Собственно, именно циклизм обосновывал правомерность самого жанра исторического повествования: история только в том случае может быть «учительницей жизни», если события в будущем могут повториться.

⁶² Знаменитая самохарактеристика Фукидида.

⁶³ Свидетельство о том, что ранние исторические труды читались преимущественно вслух.

ния Фукидидом катастрофы в Микалессе (когда резню жителей устроили «варвары»-фракийцы) и сухой, лапидарной констатации им же катастрофы на Мелосе (когда фактически такую же резню устроили афиняне).

Да что там говорить обиняками: процитируем теперь суждение, которое у Фукидида стоит прямо перед вышеприведенным: «Что до речей (как произнесенных перед войной, так и во время ее), то в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно – ни тех, которые мне пришлось самому слышать, ни тех, о которых мне передавали другие. Но то, что, помимо, каждый оратор мог бы сказать самого подходящего по данному вопросу (причем я, насколько возможно ближе, придерживаюсь общего смысла действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моем труде» (Thuc. I. 22. 1).

Речи действующих лиц действительно занимают исключительно важное место в труде Фукидида, и здесь историк обозначает те принципы, которыми он руководствуется при введении этих речей. И, как видим, в сущности, принципы эти – риторические, а не исторические (это, кстати, относится и к диалогам в труде того же автора, как указала Э. Гринвуд [22])⁶⁴.

Как бы то ни было, фукидидовским увещаниям (уж не потому ли, что они сильно расходились с действительностью?) как-то в основном не вняла последующая древнегреческая историография. В IV в. до н.э. эта последняя пошла, в сущности, по акцентированно беллетристическому пути. Стоит вспомнить хотя бы Ктесия Книдского, по сравнению с которым даже и Геродот – верх акрибии). Альтернативный по сравнению с Ктесием

⁶⁴ Когда доклад, легший в основу данной статьи, обсуждался после его прочтения, С.Г. Карпюк вполне обоснованно указал именно на такое качество речей у Фукидида. С другой стороны, он, кажется, все-таки допустил преувеличение, утверждая, что вся древнегреческая историография насквозь риторична. Мы бы сделали оговорку: она насквозь риторична именно начиная с Фукидида. Его предшественников на историографическом поприще, в том числе и Геродота, мы все-таки относим еще к «дориторической» историографии [11: 336–337].

ем путь предлагался опять же в рамках риторической парадигмы: это нарочито морализаторский нарратив (прежде всего здесь следует упомянуть Феопомпа, но и Эфор в данном отношении недалеко от него ушел), вдохновленный, по большому счету, великим ритором Исократом.

Та же традиция сохранялась и в эллинистическую эпоху, в которую у Фукидида по-прежнему последователей практически не было. Если уж выражаться совсем точно, то был один; и это, конечно же, Полибий с его концепцией «прагматической истории» (не приходится сомневаться в том, что *πραγματικῆ* применительно к *ἱστορία* означает у Полибия именно историю небеллетристичную, чисто фактологическую). Полибий, как и Фукидид, по сути, восстает, и демонстративно, именно против того, что можно назвать элементами беллетристики в историческом повествовании, – против стремления развлечь читателя, против неаккуратного и вольного обращения с фактами, даже против элементарной художественности изложения; сам-то Полибий как раз относится к самым сухим и скучным для чтения античным авторам, поскольку он совершенно не заботился о стиле.

* * *

Настала пора подводить итоги. Вернемся к Гомеру, о котором уже говорилось выше и имя которого фигурирует даже в названии статьи. Вернемся к нему, чтобы подчеркнуть: да, видимо, именно его следует считать основоположником и античной и в целом европейской исторической беллетристики. Не видим каких-либо причин, которые побуждали бы исключить его из истории становления этого жанра. Сюжет – повествовательный, тема взята из прошлого, цель – развлечь аудиторию.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. 448 с.
2. *Видадь-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. 419 с.

3. *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. 328 с.
4. *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. 204 с.
5. *Молчанов А.А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. 315 с.
6. *Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. 360 с.
7. *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. 412 с.
8. *Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. 504 с.
9. *Суриков И.Е.* Сократ. М., 2011. 368 с.
10. *Суриков И.Е.* Многоликая Клио: Антология античной исторической мысли. Т. 1: Возникновение исторической мысли и становление исторической науки в Древней Греции. СПб., 2014. 360 с.
11. *Суриков И.Е.* Античная Греция: Ментальность, религия, культура. М., 2015. 720 с.
12. *Anderson G.* The Management of Dialogue in Ancient Fiction // *A Companion to the Ancient Novel* / E.P. Cueva, S.N. Byrne (eds.). Oxf., 2014, p. 217–230.
13. *Armayer O.K.* Herodotus, Hecataeus and The Persian Wars // *The World of Herodotus* / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). Nicosia, 2004, p. 321–335.
14. *Ausland H.W.* Poetry, Rhetoric, and Fiction in Plato's *Phaedrus* // *Symbolae Osloenses*. 2010, 84, p. 2–25.
15. *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore – L., 1993. XII, 264 p.
16. *Bertelli L.* Hecataeus: From Genealogy to Historiography // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus* / Ed. by N. Luraghi. Oxf., 2007. Oxf., 2007, p. 67–94.
17. *Braun T.* Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in*

- Honour of B. Shefton / Ed. by K. Lomas. Leiden – Boston, 2004, p. 287–347.
18. *Cartledge P., Greenwood E.* Herodotus as a Critic: Truth, Fiction, Polarity // *Brill's Companion to Herodotus* / E.J. Bakker, I.J.F de Jong, H. van Wees (eds.). Leiden – Boston – Köln, 2002, p. 351–371.
 19. *Dobrov G.W.* Figures of Play: Greek Drama and Metafictional Poetics. Oxf., 2001. VIII, 238 p.
 20. *Gildenhard I.* Cicero's Dialogues: Historiography Manqué and the Evidence of Fiction // *Der Dialog in der Antike: Formen und Funktionen einer literarischen Gattung zwischen Philosophie, Wissensvermittlung und dramatischer Inszenierung* / S. Föllinger, G.M. Müller (Hg.). B. – Boston, 2013, S. 235–274.
 21. *Goldberg S.M.* Fact, Fiction, and Form in Early Roman Epic // *Epic and History* / D. Konstan, K.A. Raafaub (eds.). Oxf., 2010, p. 167–184.
 22. *Greenwood E.* Fictions of Dialogue in Thucydides // *The End of Dialogue in Antiquity* / S. Goldhill (ed.). Cambridge, 2009, p. 15–28.
 23. *Halliwel S.* Fiction // *A Companion to Ancient Aesthetics* / P. Destrée, P. Murray (eds.). Oxf., 2015, p. 341–353.
 24. *Kim L.* Historical Fiction, Brachylogy, and Plutarch's *Banquet of the Seven Sages* // *Symposion and Philanthropia in Plutarch* / J. Ribeiro Ferreira, D. Leão, M. Tröster, P. Barata Dias (eds.). Coimbra, 2009, p. 481–495.
 25. *Kim L.* Homer between History and Fiction in Imperial Greek Literature. Cambridge, 2010. XI, 246 p.
 26. *MacQueen B.D.* The Stepchildren of Herodotus: The Transformation of History into Fiction in Late Antiquity // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres* / J. Pigoñ (ed.). Newcastle upon Tyne, 2008, p. 329–348.
 27. *Mehl A.* Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // *The World of Herodotus* / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). Nicosia, 2004, p. 337–348.

28. *Morgan J.R.* Fiction and History: Historiography and the Novel // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / J. Marincola (ed.). Vol. 2. Oxf., 2007, p. 553–564.
29. *Nagy G.* Homer the Preclassic. Berkeley, 2010. 432 p.
30. *Perkins J.* Reimagining Community in Christian Fictions // *A Companion to the Ancient Novel* / E.P. Cueva, S.N. Byrne (eds.). Oxf., 2014, p. 535–551.
31. *Rosenmeyer P.A.* Ancient Epistolary Fictions: The Letter in Greek Literature. Cambridge, 2001. X, 370 p.
32. *Ruschenbusch E.* Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen // *Klio*. 2002, 82, S. 335–343.
33. *Sauge A.* “L’Iliade”, poème athénien de l’époque de Solon. Bern, 2000. XVIII, 667 p.
34. *Scherrer P.* Hunting the Boar – the Fiction of a Local Past in Foundation Myths of Hellenistic and Roman Cities // *Attitudes towards the Past in Antiquity. Creating Identities* /B. Alroth, C. Scheffer (eds.). Stockholm, 2014, p. 113–119.
35. *Stadter P.* Fictional Narrative in the *Cyropaideia* // *Xenophon* / V.J. Gray (ed.). Oxf., 2010, p. 367–400.
36. *Starr Ch.G.* The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. L., 1962. XVIII, 385 p.
37. *Tatum J.* Xenophon’s Imperial Fiction: On *The Education of Cyrus*. Princeton, 1989. XIX, 301 p.
38. *West S.* Herodotus’ Portrait of Hecataeus /// *Journal of Hellenic Studies*. 1991, 111, p. 144–160.
39. *Will W.* Der Untergang der Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydidēs und einiger Zeitgenossen. Bonn, 2006. 170 p.